

ОГЛАВЛЕНИЕ

Межевой рыцарь	7
Присяжный рыцарь	121
Таинственный рыцарь	251
Конец... начала	379

*Рае Голден,
за солнечные улыбки и картины,
радующие глаз.*

ДжРРМ

*Описанная здесь история разворачивается
примерно за сотню лет до событий
«Игры престолов».*

МЕЖЕВОЙ РЫЦАРЬ

Весенние дожди умягчили почву, и Дунку нетрудно было копать могилу. Он выбрал место на западном склоне небольшого холма — старик всегда любил смотреть на закат. «Вот и еще день прошел, Дунк, — говорил он, вздыхая. — Кто знает, что принесет нам завтрашний день?»

Один из завтрашних дней принес дождь, промочивший их до костей, а следующий — порывистый сырой ветер, а следующий за ним — лихорадку. На четвертый день старик слишком ослабел, чтобы держаться в седле, и скоро его не стало. Еще несколько дней назад он, покачиваясь в седле, пел старую песню о девушке из Чаячьего города, только вместо «Чаячий город» спел «Эшфорд». *«В городе Эшфорде девушка ждет, хей-хо, хей-хо»*, — грустно вспоминал Дунк, копая могилу.

Вырыв достаточно глубокую яму, он поднял старика на руки и уложил туда. Покойник был маленький и тощий — без кольчуги, шлема и пояса с мечом он весил не больше мешка сухих листьев. Дунк же вымахал невероятно высоким для своего возраста — нескладный ширококостный парень шестнадцати или семнадцати

лет (никто не знал толком, сколько ему). Ростом он был ближе к семи футам, чем к шести, и этот костяк только начинал еще одеваться плотью. Старик часто хвалил его силу. Он не скупился на похвалы — больше ведь у него ничего не было.

Опустив старика в могилу, Дунк постоял немного над ним. В воздухе снова пахло влагой, и он знал, что яму нужно засыпать, пока не пошел дождь, но ему тяжело было бросать землю на это усталое старое лицо. *«Септона бы сюда, он бы прочел молитву — но нет никого, кроме меня»*. Старик обучил Дунка всему, что знал сам о мечах, щитах и копьях, а вот что касается слов...

— Я бы оставил вам меч, но он заржавеет в земле, — сказал наконец Дунк виновато. — Мне думается, боги дадут вам новый. Жаль, что вас больше нет, сир. — Он помолчал, думая, что бы еще сказать. Дунк не знал целиком ни одной молитвы — старик набожностью не отличался. — Вы были истинным рыцарем и никогда не били меня без причины, — наконец выпалил парень, — кроме того раза в Девичьем Пруду. Это трагичный мальчишка съел пирог вдовы, а не я, я ведь говорил. Но теперь это уже не важно. Да хранят вас боги, сир. — Дунк бросил в яму горсть земли и стал кидать во весь мах, не глядя на то, что лежит на дне.

«Он прожил долгую жизнь, — думал Дунк. — Ему было ближе к шестидесяти, чем к пятидесяти, а многие ли могут сказать это о себе? И ему довелось увидеть еще одну весну».

Уже вечерело, когда Дунк покормил лошадей. Их было три: сутулая кляча, на которой он ездил, рысак старика и Гром, боевой конь, которым пользовались

только на турнирах и битвах. Большой бурый жеребец был уже не так силен и скор, как бывало, но глаза его еще сверкали, и дух не угас — из всего имущества Дунка он представлял собой самую большую ценность. *«Если я продам Грома и старого Каштана вместе с седлами и уздечками, у меня наберется достаточно серебра, чтобы...»* — подумал Дунк и нахмурился. Единственной известной ему жизнью была жизнь межевого рыцаря, который кочует от замка к замку, нанимается на службу то к одному лорду, то к другому, сражается за него и ест за его столом, пока война не кончится, а потом отправляется дальше. Время от времени, хотя и не столь часто, случаются турниры, а в голодные зимы межевые рыцари порой и разбоем промышляют, хотя старик никогда этого не делал.

«Я мог бы найти другого межевого рыцаря, чтобы ухаживать за его лошадьми и чистить ему кольчугу, — думал Дунк, — или отправиться в город вроде Ланниспорта или Королевской Гавани и поступить в городскую стражу, или...»

Пожитки старика он собрал в кучу под дубом. В кошельке содержалось три серебряных оленя, девятнадцать медных грошей и маленький осколок граната; главное достояние старика, как и у большинства межевых рыцарей, заключалось в лошадях и оружии. К Дунку перешла кольчуга, с которой он счищал ржавчину не менее тысячи раз. Унаследовал он также железный полушлем с широким наносником, пояс из потрескавшейся бурой кожи и длинный меч в ножнах из дерева и кожи. Еще кинжал, бритву и точильный брусок, поножи и латный воротник, восьмифутовое боевое копье

из точеного ясеня с железным наконечником — и наконец, дубовый щит с истертым железным ободом, украшенный гербом сира Арлана из Пеннитри: крылатая чаша, серебряная на буром.

Дунк взял в руки пояс, не сводя глаз со щита. Пояс рассчитан на тощие бедра старика и будет ему мал, как и кольчуга. Дунк прикрепил ножны к пеньковой веревке, обвязал ее вокруг пояса и вынул меч.

Хороший клинок, прямой и тяжелый, из доброй, кованной в замке стали, деревянная рукоять обмотана мягкой кожей, головка эфеса из гладко отшлифованного черного камня. Без излишеств, но Дунку по руке, и он знал, как этот меч остер, поскольку перед сном постоянно точил его и смазывал. *«Он подходит мне не хуже, чем старику, — думал Дунк, — а на Эшфордском лугу будет турнир».*

У Легконогой ход был мягче, чем у старого Каштана, но Дунк все-таки порядком устал, когда заметил впереди гостиницу — высокую деревянную мазанку у ручья. Теплый желтый свет, льющийся из окон, так манил, что он просто не смог проехать мимо. *«У меня есть три серебряные монеты, — сказал он себе. — На это можно хорошо поужинать, а эля выпить — сколько влезет».*

Когда он спешился, из ручья вылез голый мальчишка и завернулся в грубый коричневый плащ.

— Ты кто, конюх? — спросил его Дунк. Мальчишка был лет восьми-деяти на вид, бледный и тощий, с ногами по щиколотку в прибрежном иле. Самое примеча-

тельное в нем были волосы — вернее, их отсутствие. — Надо обтереть кобылу, на которой я ехал, и задать овса всем троем. Сделаешь?

— Если захочу, — нахально ответил мальчик.

— Ты это брось, — нахмурился Дунк. — Я рыцарь, к твоему сведению.

— Что-то не похож ты на рыцаря.

— Разве все рыцари похожи друг на друга?

— Нет, но и на тебя они не похожи. У тебя вон и меч на веревке висит.

— Ничего, держится — и ладно. Займись-ка моими лошадьми. Получишь медяк, если хорошо сделаешь свое дело, и тычок в ухо, если нет. — Дунк не стал дожидаться ответа, повернулся и прошел в дверь.

Он думал, что в этот час харчевня будет полным-полна, но она пустовала. Молодой лорд в красивом плаще из дамаста похрапывал за одним из столов, уронив голову в лужу вина. Кроме него, здесь не было ни души. Дунк нерешительно огляделся, но тут из кухни появилась бледная коренастая женщина и сказала:

— Можете сесть, где пожелаете. Что вам подать — эля или еды?

— И того и другого. — Дунк сел у окна, подальше от спящего.

— Есть вкусный барашек, зажаренный с травами, и утки — их мой сын настрелял. Что прикажете принести?

Дунк уже с полгода не ел в харчевнях.

— И то и другое.

— Ну что ж, вы достаточно большой, чтобы управиться и с тем и с другим, — засмеялась женщина. Она

нацедила кружку эля и принесла ему. — Комнату на ночь не желаете?

— Нет. — Дунк очень хотел бы поспать под крышей, на мягком соломенном тюфяке, но деньги приходилось беречь. Ничего, и на земле отлично выспится. — Вот поем, попью и поеду в Эшфорд. Далеко ли до него?

— День пути. Как будет развилка у погорелой мельницы, поезжайте на север. Как там мой мальчишка — смотрит за вашими лошадьми или опять сбежал?

— Нет, он на месте. Маловато у вас гостей, как я полагаю.

— Половина города отправилась на турнир. Мои бы тоже туда подались, кабы я позволила. Когда меня не станет, гостиница перейдет к ним — однако мальчишке все бы с солдатами болтаться, а девчонка вздыхает да хихикает, как только мимо проедет рыцарь. Хоть убейте, не пойму. Рыцари устроены так же, как все прочие мужчины, и не вижу, почему участие в турнире должно повышать цену на яйца. — Хозяйка окинула любопытным взглядом Дунка: меч и щит говорили ей одно, веревочный пояс и домотканая рубаха совсем другое. — А вы никак тоже на турнир путь держите?

Дунк хлебнул эля, прежде чем ответить. Тот был сочного орехового цвета и густой — как раз ему по вкусу.

— Да. Хочу одержать на нем победу.

— Вон оно как, — с умеренной учтивостью отозвалась женщина.

Лорденыш поднял голову из лужицы вина. Его лицо под шапкой спутанных песочных волос имело желтый, нездоровый оттенок, подбородок зарос светлой щетиной. Юноша вытер рот и сказал Дунку:

— Я видел тебя во сне. — Дрожащий указательный палец нацелился на Дунка. — Держись от меня подальше, слышишь? Как можно дальше.

— Милорд? — с недоумением откликнулся Дунк.

— Не обращайтесь внимания, сир, — вмешалась хозяйка. — Он только и знает, что пить да толковать о своих снах. Сейчас принесу вам поесть.

— Поесть? — с великим отвращением повторил лорденыш и поднялся на ноги, пошатываясь и придерживаясь за стол, чтобы не упасть. — Меня сейчас стошнит, — объявил он. На его тунике запеклись красные пятна от вина. — Мне бы девку, но тут их не осталось. Все ушли в Эшфорд. Боги, я должен выпить еще. — Он нетвердой походкой вышел из зала, и Дунк услышал, как он поднимается по лестнице, напевая что-то себе под нос.

«Вот ведь горемыка, — подумал Дунк. — Но с чего он взял, что меня знает?» Дунк размышлял об этом, попивая свой эль.

Он в жизни еще не ел такого вкусного барашка, а утка была еще лучше — ее зажарили с вишнями и лимоном, и она не казалась такой уж жирной. Кроме мяса хозяйка подала горошек в масле и овсяной хлеб только что из печи. *«Вот что значит быть рыцарем, — сказал себе Дунк, обгладывая последнюю кость. — Хорошая еда, эль и никаких затрещин».* Он выпил вторую кружку, пока ел, третью, чтобы запить ужин, и четвертую, потому что никто ему в этом не препятствовал. Когда он расплатился с женщиной серебряной монетой, то получил еще пригоршню медяков сдачи.

Когда он вышел наружу, уже совсем стемнело. Живот его наполнился, а в кошельке немного полегчало,

но Дунк отправился на конюшню в преотличном настроении. Внезапно там заржал конь.

— Тихо, парень, — произнес мальчишеский голос, и Дунк, нахмуясь, ускорил шаг.

На Громе в доспехах старого рыцаря сидел мальчишка-конюх. Кольчуга была длиннее, чем он весь, а шлем пришлось сдвинуть на затылок, чтобы не налезало на глаза. Мальчик был весь поглощен своей игрой и имел крайне нелепый вид. Дунк со смехом остановился на пороге.

Мальчик, увидев его, покраснел и прыгнул наземь.

— Милорд, я не хотел...

— Воришка, — с напускной суровостью сказал Дунк. — Снимай кольчугу и скажи спасибо, что Гром не огрел тебя копытом по глупой голове. Он боевой конь, а не пони для детских забав.

Мальчишка снял шлем, бросил его на солому и заявил с прежней дерзостью:

— Я могу на нем ездить не хуже тебя.

— Замолчи и перестань дерзить. Быстро снимай кольчугу. Что это взбрело тебе в голову?

— Как же я смогу ответить, если буду молчать? — Мальчишка вылез из кольчуги, как ящерица.

— Если я спрашиваю, можешь открыть рот. Подними кольчугу, отряхни ее и положи туда, где взял. Полушлем тоже. Ты покормил лошадей, как я велел? И вытер Легконогую?

— Да. — Мальчик стряхивал с кольчуги солому. — Ты ведь в Эшфорд едешь? Возьми меня с собой.

Хозяйка гостиницы не зря беспокоилась.

— А что скажет твоя мать?

— Мать? — сморщился мальчик. — Ничего не скажет — она умерла.

Дунк удивился: разве малец — не хозяйский сын? Наверное, просто работник. Голова слегка кружилась от эля.

— Ты сирота, что ли? — спросил он.

— А ты?

— Был когда-то, — признался Дунк. *«Пока старик не подобрал меня».*

— Я могу быть твоим оруженосцем.

— Оруженосец мне ни к чему, — сказал Дунк.

— Каждому рыцарю нужен оруженосец, а уж тебе тем более.

Дунк замахнулся:

— Сдается мне, что ты все-таки получишь по уху. Насыпь мне овса в мешок. Я еду в Эшфорд один.

Если мальчуган и испугался, то не подал виду. Еще миг он постоял с вызывающим видом, скрестив руки, и, когда Дунк уже был готов сдаться, он повернулся и пошел за овсом.

У Дунка отлегло от сердца. *«Жаль, что нельзя... Но тут ему хорошо живется, куда лучше, чем было бы в оруженосцах у межевого рыцаря. Я оказал бы ему дурную услугу, взяв с собой».*

Чувствовалось, однако, что мальчик сильно разочарован. Дунк, сев на Легконогую и взяв за повод Грома, решил приободрить его немного.

— На, парень, держи. — Дунк бросил медную монетку, но мальчик даже не попытался поймать ее, и она упала в грязь между его босыми ногами.

«Ничего, поднимет, когда я уеду», — решил Дунк и послал кобылу вперед, ведя за собой двух других ло-

шадей. Луна ярко освещала деревья, и безоблачное небо было усеяно звездами. Даже выехав на дорогу, Дунк все еще чувствовал спиной угрюмый взгляд маленького конюха.

Тени уже начали удлиняться, когда Дунк остановился на краю широкого Эшфордского луга. На травяном поле уже стояло больше полусотни шатров, больших и малых, квадратных и круглых, парусиновых и шелковых; но все они были яркие, и длинные флаги колыхались на срединных шестах. Луг пестрел красками, словно полевыми цветами: винно-красными и желтыми, как солнце, бесчисленными оттенками зелени и синевы, густо-черными, серыми и пурпурными.

Старик служил кое с кем из этих рыцарей, других Дунк знал по рассказам, которые слышишь в тавернах и у костров. Хотя искусством чтения и письма Дунк так и не овладел, в геральдике старик натаскивал его беспощадно, даже и в дороге. Соловыи — это герб лорда Карона из Марок, столь же искусного в игре на большой арфе, как и в обращении с копьем. Олень в короне — это сир Лионель Баратеон, Смеющийся Вихрь. Дунк разглядел также охотника рода Тарли, пурпурную молнию Дондаррионов, красное яблоко Фоссоев. Вот лев Ланнистеров, золотой на багровом поле, вот плывет темно-зеленая морская черепаха Эстермонтов на бледно-зеленом поле. Бурый шатер со вздыбленным красным жеребцом мог принадлежать только сиру Ото Бракену, которого прозвали Бракенским Зверем, когда он три года назад убил лорда Квентина Блэквуда

на турнире в Королевской Гавани. Дунк слышал, что сир Ото нанес своим затупленным топором такой удар, что проломил и забрало, и лицо лорда Блэквуда. Здесь присутствовали и блэквудские знамена — на западном краю луга, подальше от сира Ото. Марбранд, Маллистер, Каргилл, Вестерлинг, Сванн, Маллендор, Хайтауэр, Флорент, Фрей, Пенроз, Стокворт, Дарри, Паррен, Уайлд — казалось, каждый знатный дом запада и юга прислал в Эшфорд хотя бы одного рыцаря, чтобы поклониться королеве турнира и преломить копье в ее честь.

Но как бы красивы ни были эти шатры, Дунк знал, что ему среди них места нет. Поношенный шерстяной плащ — вот и все, чем он располагает для ночлега. Лорды и рыцари обедают каплунами и молочными поросятами, а у Дунка только и есть что кусок жесткой, жилистой солонины. Он хорошо знал, что, остановившись на этом веселом поле, вдоволь хлебнет и молчаливого презрения, и открытых насмешек. Будут, возможно, и такие, которые проявят к нему доброту, но это в некотором роде еще хуже.

Межевой рыцарь не должен ронять своего достоинства. Без него он не более чем наемник. *«Я должен заслужить свое место среди них. Если я буду сражаться хорошо, кто-нибудь из лордов может взять меня к себе на службу. Тогда я окажусь в благородном обществе, каждый день буду есть свежее мясо в трапезной замка и ставить на турнирах собственный шатер. Но сначала я должен проявить себя в деле»*. Дунк неохотно повернулся спиной к турнирному полю и увел своих лошадей в лес.